

медиатору с целью урегулирования спора не может быть реализовано (или может быть реализовано неправильно) без учета норм Закона о медиации, определяющих категории споров, по которым возможна данная процедура [5].

Институт добровольного урегулирования споров по делам, возбужденным в суде, является внутриотраслевым институтом гражданского процессуального права и межотраслевым институтом, включающим в себя нормы хозяйственного процессуального права и нормы материального права по вопросам альтернативного урегулирования споров сторон.

Библиографические ссылки

1. Шерстюк В.М. Категории общего и особенного в гражданском процессуальном праве В.М. Шерстюк // Вестник гражданского процесса. - 2015. - № 3. - С. 8 – 27.
2. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. Проф. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2008. – VI, 858 с.
3. Мальцев, В.А. Право как нормативно-деятельностная система / В.А. Мальцев // Изв. вузов. Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 14–27.
4. Мещерякова, А.Ф. Объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как направление развития судебной реформы и процессуального законодательства / А.Ф. Мещерякова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 7. – С. 45 - 49.
5. Носырева, Е.И. Применение норм о медиации в гражданском судопроизводстве / Е.И. Носырева // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 6. - С. 10 - 25. // Справ.-правовая система КонсультантПлюс: Россия. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. – М., 2018.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Терехова Лидия Александровна,

заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им.Ф.М. Достоевского (г. Омск),
доктор юридических наук, профессор
lydia@civpro.info

Наиболее заметными и определяющими направлениями изменений законодательства о рассмотрении гражданских дел в судах следует признать: обособление административного судопроизводства; реформирование законодательства о третейских судах; упрощение и оптимизацию процедур рассмотрения гражданских дел.

Обособление административного судопроизводства. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (Федеральный Закон № 21 от 8 марта 2015 г.; далее – КАС) представляется весьма спорным законодательным решением. Достаточно

вспомнить, что до принятия действующего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК), в период с 1995 по 2002 год, арбитражные суды знали деление только на два вида судопроизводства: исковое и особое (см.: ч. 1 ст. 22, ст. 32 и гл. 19 АПК, принятого Федерального Закона № 70 от 5 мая 1995 г.). В основу такого подхода было положено разделение дел на имеющие спор о праве и не имеющих такового. С другой стороны, нормы, определяющие отдельные особенности рассмотрения дел с «публичным» элементом, долгое время совершенно безболезненно существовали в лоне Гражданского процессуального кодекса (подраздел III, главы 23-26.2, статьи 245-261.8; далее – ГПК) в качестве норм производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. О количестве специальных правил в этом разделе и их влиянии на специфику процедуры можно спорить, но вряд ли они столь значительны, чтобы обосновать необходимость отдельного кодифицированного нормативного акта, достаточно отметить, что общее количество статей в главах 23-26.2, призванных учесть специфику дел, возникающих из публичных правоотношений, было весьма ограниченным. Таким образом, в законотворчестве уже были положительные примеры решения вопроса о месте таких норм, и не вполне понятно, почему законодатель отверг эти варианты. С точки зрения новизны, КАС вряд ли является нормативным актом нового поколения: его структура и содержание – калька с ГПК и отдельные новые положения (например, о профессиональном представительстве) не объясняют, зачем нужен был именно новый, дополнительный Кодекс. Наиболее распространенным аргументом в пользу принятия КАС выступает отсылка к Конституции Российской Федерации, в ч. 2 ст. 118 определенной в качестве самостоятельных видов судопроизводства не только конституционное, гражданское и уголовное, но и административное. Однако, заметим, что в действующем АПК сохранен раздел III (главы 22-26) «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений», что является показателем определенной непоследовательности в законотворчестве.

Реформирование законодательства о третейских судах. Новое законодательство о третейских судах (Федеральный Закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ; далее – Закон об арбитраже) изначально имело цель сокращения количества действующих на территории России подобных учреждений и усиление контроля за ними со стороны государственных органов. В основе лежал тезис борьбы с «карманными» третейскими судами.

В итоге ужесточения правил регистрации разрешение на деятельность получили на сегодня лишь 4 арбитража, 2 из которых – международные, традиционно работающие в этой нише. Это не просто мало, это фактически разрушение и отсутствие развития одной из альтернативных процедур рассмотрения дел. Процедура создания арбитража (третейского суда) стала более бюрократичной и направлена на ужесточение требований к третейским судам. Так, постоянно действующие арбитражные учреждения должны создаваться при некоммерческих организациях. Право на создание арбитража некоммерческая организация должна получить у Правительства РФ (Совет по совершенствованию третейского разбирательства – ч. 4 ст. 44 Закона об арбитраже). Отметим, что Закон «О международном коммерческом арбитраже» и частично – Федеральный Закон «О третейских судах в РФ» 2002 г. (в отношении ранее заключенных соглашений) сохранили силу.

С 1 сентября 2016 г. глава 30 АПК и раздел VI ГПК получили новые редакции, с учетом изменений в законодательстве о третейских судах: помимо традиционных для этих Кодексов норм о регулировании процедур оспаривания решений третейских судов и выдачи исполнительных листов на основании решений третейских судов, включены нормы о производстве по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов. Содействие, а фактически – контроль государственных судов (т.н. «компетентных судов»), охватывает значительную сферу.

Так, компетентный суд в соответствии с ч. 4 ст. 11 Закона об арбитраже контролирует избрание (назначение) арбитров, может принять необходимые меры с учетом согласованной сторонами процедуры избрания (назначения); он подключается к отводу арбитров (ст. 13), прекращению полномочий арбитра (ст. 14). Любая сторона вправе обратиться в компетентный суд с заявлением об отсутствии у третейского суда компетенции (ч. 3 ст. 16). Компетентный суд также может оказывать содействие в получении доказательств постоянно действующим арбитражным учреждениям (ст. 30). У компетентного суда (ст. 43) в обязательном порядке нужно получить исполнительный лист, если решение арбитража касается прав, требующих внесения записи в государственный реестр. В свое время Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П была подтверждена возможность рассмотрения таких дел в третейских судах, определив, что споры о праве на недвижимое имущество являются гражданско-правовыми, а процедура государственной регистрации перехода прав на недвижимое имущество не делает

такие споры публично-правовыми, но означает особое внимание государства к обороту недвижимости. Теперь же правило ст.43 Закона об арбитраже требует, чтобы между решением арбитража и актом регистрации состоялась процедура получения исполнительного листа (как процедура контроля со стороны государственного суда).

Упрощение и оптимизация процедур касаются, прежде всего, некоторых мер, принятых для унификации арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства. В АПК включена глава 29.1 «Приказное производство», в ГПК – глава 21.1 «Упрощенное производство». Лица, подающие заявление, потеряли право выбора между исковым и приказным производствами, приказное имеет приоритет (п. 2.1 ч. 1 ст. 129 АПК; п. 1.1 ч. 1 ст. 135 ГПК).

Еще одно направление оптимизации – намечающийся отказ от составления мотивировочной части решения.

Отказ от составления мотивированного решения был предусмотрен сначала для мировых судей (ст. 199 ГПК в ред. Федерального Закона № 20 от 4 марта 2013 г.), впоследствии – для дел упрощенного производства в арбитражных судах (ст. 229 АПК в ред. Федерального Закона № 47 от 2 марта 2016 г.). Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановлением № 30 от 3 октября 2017 г. внес законодательную инициативу об изменениях в ст. ст. 199 ГПК и 176 АПК, смысл которого в установлении общего правила составления только резолютивной части решения с разъяснением лицам, участвующим в деле, права подать заявление о вынесении мотивированного решения; и введение перечня дел, по которым составление мотивированного решения обязательно. Можно приводить множество аргументов против такого подхода: немотивированное решение вряд ли убедит спорящих участников; породит сомнения в независимости и беспристрастности суда; затруднит обжалование решений (особенно – лицам, не принимавшим участия в деле); затруднит определение «тождественных» дел и применения правил освобождения от доказывания. Сошлемся для краткости на следующие документы. В соответствии с Принципом 6 Рекомендации № R (84) 5 Комитета министров Совета Европы, судебное решение может быть кратким [1], однако, смысл справедливого судебного разбирательства заключается, в том числе, и в обязанности суда указывать мотивы своего решения применительно к конкретным обстоятельствам дела [2].

В соответствии с другим документом – постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном решении» от 19 декабря 2003 г., принятым сразу же вслед за введением в действие ГПК 2002 г., решение должно иметь мотивировочную часть и целый

ряд разъяснений (п. 2, 3, 4) имеют отношение к содержанию мотивировочной части.

Библиографические ссылки

1. Рекомендация № R (84) 5 Комитета министров государствам-членам Совета Европы относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы //КонсультантПлюс.

2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 декабря 1994 г. по делу «Руис Тория против Испании» //КонсультантПлюс.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ЦЕЛЬЮ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ¹

Туманов Дмитрий Александрович,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
dtum@mail.ru

Автор присоединяется к тем ученым, которые полагают, что юридической ответственностью является не любое правовое принуждение, а такое, которое связано с применением определенных лишений к лицу, совершившему правонарушение.

Для науки и практики важное значение имеет выделение тех или иных видов юридической ответственности, однако для целей нашего исследования в первую очередь важна классификация ответственности по виду того интереса, который охраняется при ее применении. Согласно такой классификации можно различать ответственность, которая направлена на защиту частного интереса, и ту, применение которой защищает общественный интерес. Так, причинение вреда

¹ Необходимо учитывать, что подавляющее большинство ученых-процессуалистов считают, что так называемое административное судопроизводство, которое в настоящее время осуществляется по Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), в действительности является вариантом гражданского судопроизводства, а административные дела представляют собой не что иное, как гражданские дела в широком смысле слова. До принятия КАС РФ все ныне рассматриваемые по нему дела вполне эффективно рассматривались в порядке гражданского судопроизводства по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). В свою очередь, принятие КАС РФ не было продиктовано реальной необходимостью, он не является новым и оригинальным законом, а, по сути, представляет собой клон ГПК РФ и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, при этом существенно менее качественный, чем его прародители.